

Резо ГАБРИАДЗЕ: ПОМНИТЬ ОЧЕНЬ ВАЖНО. ЖИЗНЬ БЕЗ ПАМЯТИ — ЭТО БЕЗУМИЕ

С 4 по 8 марта в Петербурге на Новой сцене Александринки проходят гастроли Театра Резо Габриадзе. Великий художник, скульптор, сценарист, режиссер дал «ВП» эксклюзивное интервью.

— Резо Леванович, почему композиция петербургских гастролей вашего театра отличается от московских? Москве совсем недавно вы показали весь нынешний репертуар, все четыре спектакля, а Петербург увидит три — без «Сталинграда»...

— Все очень просто. Когда театр совершает дальние гастроли, очень страдают куклы, портятся легко. А «Сталинград» в этом смысле вообще активный спектакль, куклы там испытывают сильное воздействие. Кроме того, Питер не один раз его видел: сначала как спектакль «Песнь о Волге», поставленный в Тбилиси в 1994 году, а позже и под другим названием — «Сталинградская битва». Теперь он называется «Сталинград».

— Знали бы вы, как рвется театральный Петербург на эти гастроли! Попасть очень сложно, билеты раскуплены...

— Приезжая в другой город, мы не рассчитываем на большие залы и всегда выступаем в малых пространствах. В зале на 200 — 250 мест максимум. Допустим, в Петербурге мы сыграем 7 раз. А теперь сравните это — по количеству зрителей — с гастроллями МХАТа или Александринки. Думаю, в этом плане много лет наших путешествий по городам уравнивается одними большими гастроллями большого «че-

ловеческого» театра. Но ведь мы — театр марионеток!

— Зато «большие человеческие театры» могут позавидовать долгожительству ваших спектаклей...

— Да, скажем, «Осень моей весны» была поставлена без малого тридцать лет назад. Но это и отличает кукольный театр, который более тесно связан с традицией. Кукольники хорошо знают, что иные спектакли существуют без особых изменений три, пять, а то и все десять веков! Мне кажется, что кукольный «Фауст», которого видел Гете, до сих пор жив. По крайней мере если бы вы подтвердили мне это, я бы ничуть не удивился.

Но, конечно, нужно учесть, что мои спектакли со временем меняются. «Осень моей весны» менялась. Когда-то давным-давно мы играли в Ленинграде «Бриллиант маршала де Фантье», а теперь привозим его восстановленным и чуть переделанным. Я написал эту пьесу по просьбе Театра Руставели еще до того, как мой театр открылся в 1981 году, но сразу «Бриллиант...» поставлен не был. Работа отложилась на неопределенный срок. Прошло время, и я решил поставить пьесу в своем театре марионеток. Большую помощь мне оказал известный художник Тенгиз Мирзашвили, сделавший эскизы кукол и единственный раз в жизни попробовавший

себя в режиссуре. Но после перестройки спектакль пришлось приостановить, куклы были сданы в хранилище.

Совсем недавно я решил снова поставить «Бриллиант...». Я переделал его основательно. Родились новые герои, а старые заговорили по-другому. Тенгиза Мирзашвили уже нет в живых, но зритель может увидеть его чудесных кукол. Пьеса была написана для конкретных актеров, и в самом тексте «отпечатались» их пластика, жесты, интонации.

В теперешнем спектакле вы услышите голоса великих актеров Грузии: Медеи Джапаридзе, Рамаза Чхиквадзе, Верико Анджапаридзе, Эроса Манджгаладзе, Саломе Канчели. Да, это они вдохновили меня на написание этой пьесы! Их уже нет в живых, и их памяти я посвящаю новую постановку «Бриллианта...». И памяти Мирзашвили. Надеюсь восстановить «дней связующую нить».

— Тема памяти, связи времен проходит через все ваши спектакли. «Осень моей весны» сравнивают с «Амаркордом». Почему человеку так важно помнить прошлое, особенно свое детство?

— Помнить очень важно. Жизнь без памяти — это безумие. В беспамятстве нет залога на будущее. Бывает, идешь по улице, видишь какую-то вещь, деталь и вдруг вспоминаются какие-то эпизоды, казалось бы, незначительные... Но ты видишь в них красоту, значение, смысл.

Ставя «Бриллиант маршала де Фантье» во второй раз, я захотел отправиться в глубь веков, в XVIII и XIX столетия, вдохновляясь традициями этих эпох, традициями старых итальянских, бельгийских (моих любимых!) театров. Вот меня спрашивают иногда, а почему куклы столь отличаются друг от друга по размерам, почему кукла главного героя — князя — превосходит остальных. Не зная старинных традиций изображения, этого можно не понять. А посмотрите на тот же русский лубок. Там одни персонажи — которым автор больше симпатизирует — ну просто красавцы, такие огромные, что головой в потолок упираются, а другие на их фоне совсем маленькие.

— А давайте вернемся в тот далекий период, когда вы только искали себя. В краткой автобиографии вы написали: «Чтобы избежать армии, я часто поступал в институты и учился во многих. Был даже в металлургическом. Окончил же я факультет журналистики Тбилисского государственного университета. Со второго курса печатался на четвертых страницах незначительных и невлиятельных газет». Больше сведений о вашем журналистском прошлом я не нашел...

— О, это было в старые-старые времена и в другой жизни. Я пробовал себя в разных областях, но считал и считаю себя прежде всего художником. Журналистом я себя никогда всерьез не воспринимал. Живопись, скульптура, рисование — вот

это мое. Я и в газеты попал в студенческую пору как художник, но постепенно стал писать какие-то заметки. Здесь вышла какая-то почеркушка, там что-то еще, мои тексты понравились, меня просили еще написать... на незначительные темы, что-то вроде «Весна пришла». Такие шуточки-прибаутки. Правда, у меня было несколько серьезных статей — все о защите природы.

— А сейчас вы пишете что-нибудь: рассказы, сценарии?

— Я об этом предпочитаю не говорить. Отвечу так: сам не знаю, пишу или не пишу. Просто живу.

— Какие воспоминания связаны у вас с Петербургом?

— О, это вообще город воспоминаний, город, где мне так хорошо... Здесь живет мой самый давний друг, с которым мы знакомы много десятилетий, — Андрей Георгиевич Битов. В Ленинграде много моих любимых друзей, всех трудно перечислить, да они меня поймут. Благодаря вашему городу я увлекся марионетками. Хотя Питер считается Северной столицей, у вас бывают тропические дожди. В 1970-е, во время такого тропического дождя я оказался под крышей маленького театра, в витрине которого стояли старые куклы. Оказалось, что это Театр марионеток Демени. Впервые я увидел подобных кукол. Встреча произошла.

— Когда вы приезжали к нам в прошлый раз?

— Года четыре назад. С каждым разом выбираться все трудней. К сожалению, во время этих гастролей я не смог приехать: я сейчас в Германии, лечусь. Давно не чинился. Но, как вылечусь, обязательно прилечу в Петербург. Без Питера трудно дышится. Без его чердаков, где я был счастливым, и без подвалов, в которых так умно умели говорить, при этом сохраняя красоту. Хочу пожелать петербуржцам всего наилучшего. Надеюсь, что и на этот раз они будут великодушны и снисходительны к нашему театру.

— Когда я подошел к вам во время одного фестиваля с тем, чтобы подписать книгу Марины Дмитриевской «Театр Резо Габриадзе», вы написали всего два слова: «Счастья вам». А что для вас счастье?

— О Господи... Счастье — это когда все живы и здоровы, когда все хорошо вокруг. Но давайте не будем об этом... Нельзя старым людям задавать такие вопросы, они и без вопросов болтливы.

— Душа настолько отзывается тому, что написано в книге о ваших спектаклях, что, читая ее, над вымыслом слезами обливаюсь, ощущая себя при этом таким сентиментальным. А насколько художник может быть сентиментальным?

— Не знаю, трудный вопрос. Сентимент — это ведь чувство, да? Главное, чтобы все, что художник делал, шло от сердца.